

Р. ПЛЯТТ:

ТАК ИГРАЕТ ЕФРЕМОВ

Первая премьера этого сезона в театрах Москвы — «Декабристы» в «Современнике». Пьеса Л. Зорина открывает сценическую трилогию, далее следуют «Народовольцы» (пьеса А. Свободина) и «Большевики» М. Шатрова.

Мы вернемся к спектаклю «Декабристы» в разговоре обо всей трилогии. Не все в новой работе «Современника» равноценно. Не все образы удались. Некоторые трактовки представляются нам спорными. Однако несомненно высокое качество одной актерской работы. О ней рассказывает народный артист СССР Р. Плятт.

Первое, о чем я с опаской подумал, узнав, что Николай I в спектакле театра «Современник» «Декабристы» будет играть Олег Ефремов: а как же это может у него получиться?! И тут же поймал себя на мысли, что мои впечатления зрителя издавна подчинены смещенному во времени образу Николая, каким его обычно изображали в конце 20-х годов в пьесе Кугеля «Николай I и декабристы», очень репертуарной тогда, — таким маститым самодержцем, хрестоматийно-знакомым Николаем «Палкиным» последних лет его царствования. И особняком высились, не угасая в памяти, изумительный Николай I — В. И. Качалов.

Ефремов своим исполнением возвращает нас к исторической правде, разумно не настаивая при этом на порт-

ретном сходстве. В самом деле, образ Николая I редко ассоциируется у нас с молодым, лет под тридцать человеком, сверстником декабристов, каким был к моменту их восстания великий князь Николай Павлович. Безус, худ, тонон и гибон, как ивовый хлыст, «Аполлон, страдающий зубной болью» — эти

внешние черты будущего жандарма Европы, так описанного в мемуарах современников, прежде всего вспоминаются, когда вы смотрите на Ефремова — Николая. Но главное — и в этом ценность работы актера — представленный им молодой человек в военном мундире страшен, так сказать, перспективно. Черты будущего нет-нет, да и проглянут в на редкость органичном исполнении Ефремова. Он лишает роль напыщающихся эффектов — ну как же, царь-лицедей, любитель поз, провонатор на троне и так далее. Нет, ефремовский Николай вес «в деле». На протяжении всего спектакля он озабоченно работает, допрашивая арестованных, совещаясь с приближенными, отдавая приказы. Ему не до эффектов. Он хмур, деловит, собран. И так предельно искренен в своих исповедях, скажем, Рылеву и Каховскому, что заподозрить его в лицемерии положительно трудно. Он не меняет маски. Свою серьезность сохраняет и в общении с приближенными. Как точно, например, переспрашивает он Чернышева, допрашивающего о списке приговоренных и повешению и называющего фамилию «обласканного» Николаем Каховского: «Каховский?» — и через паузу добавляет: «Да, Каховский». И лицемерное «ничего не поделаешь», звучащее в подтексте, запоминается надолго.

Так сосредоточенностью на главном в роли добивается Ефремов серьезного успеха.